



Времена и даты

БОРИС БЬЁРКЕЛУНД (1893–1976)
русский морской офицер,
писатель-мемуарист



ВОСПОМИНАНИЯ

(Продолжение)

Глава II

Понимая состояние, в котором я находился, меня немедленно уложили в постель, которую сделали для меня на широком диване-тахте моего будущего тестя, и бросились за доктором.

В старом дореволюционном Петербурге семьи среднего достатка имели «своего» доктора, который пользовал всех членов её и становился как бы членом семьи. Врачи ездили к пациентам, так как считалось солиднее не лично посещать врача, а «приглашать» его на дом. Такой обычай имел свою положительную сторону в том, что врач хорошо знал не только физическую сторону своих пациентов, но и их моральное и психологическое состояние. Часто домашний доктор без приглашения заезжал посмотреть, как поживают его пациенты, в особенности молодое поколение, знакомое ему обыкновенно с момента рождения. В таких случаях доктора угощали чаем с печеньем и тот, посидев с полчаса, отправлялся дальше.

Домашним врачом в нашей семье, как и в семье моей невесты, был Семён Львович Тривус¹. Но его не смогли достать. Вместо него был при-

ведён молодой врач-еврей, осмотревший меня и сказавший, что о серьёзности полученных мною повреждений он в данный момент ничего сказать не может — это выяснится через несколько часов. Возможно, что у меня только травматическое повреждение черепа, а внутри всё благополучно. Сейчас же нужно лежать по возможности без движения с ледяным мешком на голове. В случае ухудшения он рекомендовал вызвать другого врача, так как ему неприятно оказывать помощь слуге павшего режима, ненавидимого всем народом. Он категорически отказался взять вознаграждение за визит и ушел.

Я не испытывал каких-либо болей, я чувствовал периодически головокружение и непрерывно муть в голове. На другое утро пригласили моего дядю, лейб-хирурга профессора Романа Романовича Вредена². Он установил лёгкое сотрясение мозга и травматическое повреждение черепа и обнадежил меня и моих близких, что я скоро оправляюсь. Действительно через две недели я оправился, а в качестве последствий остались только головные боли, преследовавшие меня ещё 3 — 4 года; потом и они исчезли. На этом я кончаю описание моих физических страданий и перехожу к моральным, более сложным.

О революции, ее причинах, развитии и течении написано более чем достаточно и со временем будет написано ещё больше. За перо брались как её сторонники, рассчитывавшие сделать карьеру и попасть в историю, так и противники, потерявшие всё, вплоть до родины, и желавшие оправдаться перед потомством за совершенные ими глупости. Писали и «большие люди» в кавычках, в силу слепого случая сыгравшие крупную роль, и мелкота, не игравшая никакой роли, но всё-таки бывшая «современником событий». Большинство их теперь ушло в лучший мир и все писания, мемуары, воспоминания слились в головах потомства в хаос, малопонятный и запутанный. Это обстоятельство дало возможность российским коммунистам всё систематизировать согласно своей идеологии и сказать: «Вот что мы сделали».

Фактически это конечно не так. «Положительная» роль их началась значительно позже, когда коммунистам удалось вывести страну из анархии, в которую она попала, и создать то, чем они так гордятся — страну государственного капитализма, отличающуюся от стран с частным капитализмом возможностью большей эксплуатации рабочей силы, преувеличенной ролью всякого рода полиции и очень низким уровнем жизни.

Но эти рассуждения личного характера не входят в задачу моей работы: я хочу в ней выступить как современник и очевидец событий, стараясь не отрывать от тогдашних моих установок и взглядов.

Итак, пока я, согласно предписанию врачей, лежал в постели, произошло много событий. Были ликвидированы полиция, дисциплина, армия, порядок. 2-го марта под напором монархистов и высших военных отказался от престола Царь. Кругом царил хаос, естественно, что хаотично было и в моей голове; мне казалось, что все сошли с ума, и это впечатление усиливалось тем, что кругом меня царила общая радость, тогда как я считал, что страна гибнет, и был в совершенном смятении.

Плохо для меня было только то обстоятельство, что я оказался изолированным в окружающей меня сравнительно небольшой среде, и эта среда не могла мне ничего разъяснить — я должен был разбираться во всём сам. Мать моя, педагог, начальница приюта для детей рабочих Ведомства Императрицы Марии на Охте³, всю жизнь бывшая более чем благонамеренной особой, оказалась к моему изумлению тоже среди лиц, приветствующих происходящее. Муж её кузины лейб-хирург Вреден со всеми чадами и домочадцами, кроме сына Николая, обучавшегося в Морском Корпусе и бывшего на пару лет моложе меня, оказались тоже революционерами. Я напомнил им, что года два-три тому назад они принимали у себя генерала Трепова⁴ и были весьма польщены его визитом, а также то обстоятельство, что совсем недавно, в 1915 году, дядя купил за 250 тысяч рублей имение в Тихвинском уезде, которое теперь конечно будет отобрано.

Окружающие меня люди смотрели на меня, как на дурака, не могущего понять происходящего, вероятно в силу «закваски», полученной в Корпусе. Наконец я объяснился с Николаем Вреденом и нашёл в нём единомышленника. Пользуясь формой Морского Корпуса, он бегал по всем митингам и собраниям и выпитывал, как губка, все впечатления.

— По моему мнению, — сказал он, — происходит следующие: Местный бунт при растерянности и попустительстве властей обратился в революцию, охватившую всю страну. Это стало возможным только потому, что в народе было большое недовольство и старым режимом, и главное — затянувшейся и неудачной войной. В настоящий момент никакой власти нет, а те, которые считают себя властью, ошибаются — сами они ничем не руководят, а события руководят ими. Государственная телега летит с горы, а те, которые думают, что они ею правят, бегут сзади и держатся за задок. Остановить это движение, по-моему, невозможно, телега дошла до подошвы и ... должна разбиться. Что дальше будет я не знаю, но рассчитывать выиграть при таких обстоятельствах войну может только дурак.

Помнится, я возразил ему, указывая на то, что в истории не было такого случая, чтобы анархия не изжила сама себя и в конце концов не воцарилась



Гардемарин Борис Бьёркелунд. Куоккала, 1913 г.

бы порядок. Здесь тоже вероятно появиться свой Наполеон⁵, но неизвестно с которой стороны.

На это Коля Вреден мне сказал, что он не верит ни в какого Наполеона в России; за это, относительно короткое время от начала революции до сегодняшнего дня (*конец марта* – Б.Б.), он так возненавидел русский народ, что жить в этой стране не считает для себя возможным и не ожидая, чем всё это кончится, он уедет за границу.

— Эмигрирую, — сказал он.

— Куда? — спросил я.

— Куда угодно, только вон отсюда, и тебе советую не дожидаться конца, когда будет поздно.

Коля Вреден привёл своё намерение в исполнение и, не дождавшись октябрьского переворота, нелегально пробрался в Данию и оттуда в Северную Америку. В 1925 г. я имел от него письмо из США, в котором он писал, что доволен своей судьбой, что он приобрел грузовик, переделанный на лавку, торгующую посудой и хозяйственными принадлежностями, что он живёт с женой в прицепке и скоро они будут жить в их подвижном доме втроем. Дальше я потерял Колю из виду и не знаю его судьбы, но слышал от родственников в Финляндии, что он умер в начале тридцатых годов⁶.

Профессору Вредену удалось пережить трудные времена, он умер в середине тридцатых годов от рака. Его именем наименован Ортопедический Институт в Александровском парке на Петербургской стороне Ленинграда, который он создал до Первой мировой войны.

Но я отдалился от темы. Как раз эти две недели лежания были для меня очень трудными в моральном отношении. В начале марта произошли убийства морских офицеров в Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле, а также в Чёрном море. 2-го марта Император отрёкся от престола и все надежды на спасение рухнули окончательно.

Люди, пришедшие к власти, как гражданские, так и военные, в моих глазах не имели никакого авторитета, а реально не имели никакой власти, так как всякая власть должна обладать атрибутами, между тем атрибутов этих у послереволюционной власти не было. Уголовная и наружная полиция была ликвидирована, новая милиция никак себя не проявляла. Положение осложнялось тем, что уголовный элемент, сидевший в тюрьмах, был выпущен из мест заключения и всякого рода грабежи и разбой стали производиться безнаказанно.

Бродящие по улице солдаты диктовали свою волю и требовали неприкосновенности в смысле неотправки их на фронт. К концу марта я физически оправился и стал задумываться над тем, что мне делать дальше. Моё положение было незавидным. Какими-либо материальными средствами я не обладал; знаний, кроме военно-морских, я не имел. Я стоял на пустом месте с пустыми руками и должен был всё начинать с начала, чтобы как-нибудь жить. В дополнение ко всему я оказался в чужом доме и выйти из него мог только на улицу. У меня в кармане оказалось рублей 5, это был тот капитал, с которым я должен был начать новую жизнь. Поэтому я считал необходимым выяснить мои отношения с окружающими и в первую

голову с моей невестой. Ведь если я представлял для неё партию до революции, когда я, по крайней мере в моих глазах, был «блестящим» морским офицером с надеждами на карьеру в будущем, то сейчас я абсолютно ничего из себя не представлял и, если судьба не забросила бы меня в дом её родителей, где за мной ухаживали и меня баловали, то мне нечего было бы есть.

Изложив эти соображения моей невесте, я добавил, что она не должна давать опрометчивого ответа, вызванного, быть может, сочувствием к моему несчастью, так как это несчастье, по моему убеждению, постигло нас всех, только я первый попал под «колесо истории». Кроме того, я далеко не уверен, что сумею справиться в новой для меня обстановке, так как никогда никем другим как военным себя не представлял и ни о каких иных возможностях не думал. Но теперь я не могу даже мыслить продолжать военную службу и не знаю, что могу делать и чем заняться. Жениться при таких условиях было бы непростительным легкомыслием и даже нечестным поступком относительно неё.

Мою невесту звали Мария, но её уменьшительное домашнее имя было «Мара», поэтому для простоты я буду ее так звать дальше.

Мара мне ответила так:

— Я любила вас с детства. Наш детский роман протёк в течение двух лет, когда мне было 12 – 14 лет. Тогда вы ушли от меня. Вы были старше меня, вам было уже 16 – 17 лет и вам вероятно понадобились другие женщины, а я была — ребёнок. Моя любовь или лучше сказать «обожание», я вас именно «обожала», не могли вам импонировать. Теперь мне 22 года, с той поры прошло 10 лет и я вас также люблю. Я не забывала вас всё это время, но о возможности стать вашей женой я не могла даже мечтать и теперь, когда невозможное для меня свершилось, вы спрашиваете меня согласна ли я разделить вашу дальнейшую судьбу? Боже мой, конечно, да! Для меня не может быть большего счастья, как во всех трудностях стоять около вас и до некоторой степени являться вашей опорой и поддержкой в жизненной борьбе. Революция ударила не только по вам, но и по многим людям.

Возможно, что те, кто сейчас радуются, пострадают впоследствии больше нашего. Я ничего не смыслю в политике, но я заранее разделяю все ваши взгляды, так как для меня вы совершенство. Вы обеспокоены материальной стороной дела, но то, что имею я, имеете вы. Я располагаю личным капиталом в 80 тысяч рублей, которые мама перевела на моё имя, когда мне исполнился 21 год, правда с некоторым ограничением. Я не могу трогать капитала без её разрешения, только проценты, но и это составляет около 3200 рублей в год. Кроме того, типография моих родителей даёт им чистого дохода не менее 1500 в месяц и из этой суммы, как сказала мама, мы можем рассчитывать на 500 рублей в месяц. Если вы захотите и вас это заинтересует, вы можете заняться типографией сами. Мама вас охотно всему научит и, учитывая свой возраст, с удовольствием передаст вам дело.

Такая тирада не могла не произвести на меня сильного впечатления во всех её частях и деталях. Даже сейчас, 47 лет спустя, я верю, что она думала так, как говорила, но практика жизни, к сожалению, показала другое и

брак наш, не считая первых двух лет, получился исключительно неудачным и выбранная мною подруга жизни оказалась впоследствии не только опорой или поддержкой, но всем что может быть противопоставлено этим понятиям.

После этого разговора я решил переговорить с моей будущей тещей и обрисовать моё незавидное положение. Здесь я тоже встретил полное сочувствие и заверение в поддержке. Должен сказать, что Елизавета Дми-

триевна, как звали мою тещу, оказалась золотым человеком и я останусь благодарным ей до самого гроба.

Я счёл своим долгом поговорить ещё с моей матерью.

— Это хорошо, что ты задумался над этим вопросом, когда судьба оборотилась против тебя. Сама я не смотрю так мрачно и безнадежно на будущее, как ты, я верю в русский народ и думаю, что знаю его. С военной службы тебе лучше уйти, так как при твоих условиях ты не можешь служить, ты слишком узок во взглядах

и при том упрям. Я поговорю с Бобой — (*проф. Вреден — Б.Б.*) и надеюсь, что он устроит тебе увольнение по болезни; я подразумеваю твою контузию на войне и те повреждения, которые ты получил теперь, — сказала мне мать. — Относительно твоего брака, я думаю ты уже сам решил этот вопрос и не хочу вмешиваться в твою жизнь. Насколько я помню Мару девочкой, она всегда была очень скромной и вежливой, да и семья её симпатичная, правда они из купцов и уклад жизни у них несколько иной, чем у нас и в нашем окружении, но к этому, думаю, ты сможешь привыкнуть.

Итак, этот вопрос оказался решенным в положительном смысле.

Теперь надо было решить второй вопрос — о занятиях. Я разрешил его совершенно неожиданным, я бы сказал, фантастическим образом.

Типография Боричевых занимала в доме № 45 по Большому проспекту Петербургской стороны 3 квартиры и в одной из них две комнаты были отведены под контору. Одну из них я попросил у тещи уступить мне и в ней я устроил собственную контору учрежденной и зарегистрированной мною фирмы под названием «Шведская комиссионная и техническая контора». Достав американский письменный стол, пишущую машинку, пару кресел и поставив второй аппарат на типографский номер телефона, я поместил в «Новом Времени»⁷ объявление, гласящее, что «Шведская



Дом № 45 по Большому проспекту Петроградской стороны

комиссионная и техническая контора принимает поручения по продаже и покупке домов, имений, лесов, технического оборудования и пр. и пр.».

Я абсолютно ничего не понимал в коммерческих делах и смутно представлял себе их возможности и моё собственное поведение. Результат моего объявления был для меня и окружающих совершенно неожиданный: на меня посыпались поручения и предложения, мне предлагали продать дома, леса на сруб, имения в совершенно неожиданном количестве. Телефон работал почти безостановочно. Я составлял ответные письма клиентам из провинции и в течение недели получил поручений на несколько миллионов рублей. Учитывая, что я хотел работать из 10%, я теоретически уже был богатым человеком. Задержка была в пустяках, а именно в покупателях, их у меня не было.

Начало этой моей деятельности относится к первой половине мая 1917 года, когда с момента революции прошло два месяца. Правда, большевики вели энергичную агитацию, обещая всем всё, но большой силы еще за собой не имели и о возможности прихода их к власти я не думал. Однако то обстоятельство, что так много людей хотело избавиться от своего недвижимого имущества и обратить его в деньги, было характерно и доказывало неуверенность в завтрашнем дне.

Восторженные настроения первого периода переворота прошли, чему не мало способствовало ухудшение продовольственного снабжения, растущая дороговизна и явный беспорядок во всём. На фронте, где генералы, составляя свои планы наступлений, оперировали теоретическими данными, продолжались неудачи, фактически войска драться больше не хотели и стремились домой для осуществления земельного раздела. Политические партии, обещая всё, просили однако массы пообождать до созыва Учредительного собрания, на котором всё будет решено и сделано. Исключение составляли большевики — они отрицали надобность ожидания и призывали к немедленному захвату земель, имущества и денег.

«Грабь награбленное» — делался всё более и более популярным лозунгом и этим объясняется интерес к моему начинанию и удача первой его части. Труднее было осуществление второй части — продажи. Относительно неё я рассуждал так: если я нашёл товар по объявлению, почему не попробовать найти таким же путём покупателей? Я выбрал штук 10 предложений, показавшихся наиболее подходящими, и разбил их на соответственное число объявлений, которые и поместил в газетах. Успех был менее удачен, но всё же кое-кто откликнулся и я в течение мая-июня продал 2 деревянных дома за Нарвской Заставой, 1 каменный дом в центре города и 300 десятин леса на сруб, не помню в какой губернии. Эти операции принесли мне 20 тысяч рублей, деньги, которые, главное, подняли мой престиж в моих собственных глазах.

Попутно произошли события, ещё более расширившие мои возможности, и произошло это для меня неожиданно-негаданно, а именно: испортился замок у двери и тёща пригласила слесаря, услугами которого она всегда пользовалась, по фамилии Васильев. Возясь с замком у двери, он прочёл мою вывеску и заинтересовался ею.

— Вы чем же торгуете? — спросил он.

Я объяснил, как обстояло дело.

— Это интересно. Я — секретарь заводского комитета Лесообделочного завода Макарова за Новой Деревней⁸. Мы как раз собираемся ликвидировать отдел военных заказов. Может быть, Вы возьмёте это осуществить? В таком случае я переговорю с нашим главным инженером и направлю его к Вам.

Я конечно выразил согласие взяться за таковую «ликвидацию» и спросил, какого рода товар имеется ввиду. Оказалось, что они хотят продать штук 10 динамо-моторов и не больше и не меньше как 10 тонн проволочных гвоздей разных величин. На меня это произвело впечатление открытия золотых россыпей. Гвоздей, я знал, нигде не было и за них платили, что угодно.

Через несколько дней у меня в конторе сидел главный инженер завода, очень симпатичный господин средних лет и просил меня возможно скорее вывести товар с завода на мой склад, так как они расширяют мебельный отдел и им нужно помещение.

Сказать, что у меня никакого склада нет — мне показалось несолидным; он явно хотел поскорее отделаться от своего товара, поэтому я пошёл на риск и обещал на днях всё перевезти на свои склады и произвести расчёт по ликвидации. Со стороны собеседника это не встретило возражений. На вопрос же о цене гвоздей он ответил, что она не будет превышать того, что они платили в своё время Военному ведомству, снабжавшему их гвоздями. Тем самым он делал мне подарок, по крайней мере, в 50 тысяч рублей.

Вопрос со складом разрешился проще, чем я думал. Под конторой типографии находилось полуподвальное помещение, используемое соседом по нашей квартире для склада фанеры. В настоящий момент у него фанеры не было и не предвиделось, поэтому он охотно уступил мне склад при том условии, что я буду платить за него аренду и очищу его, когда тот ему опять понадобится.

Через 7 дней у меня на дворе стояло 7 электромоторов. Они просто-таки там ровно одни сутки — уже на вторые я их продал подлинно шведской фирме, имевшей отделение в Петрограде. Гвоздей мне тоже не пришлось завозить на “мой” склад, я все 10 тонн продал фирме Растеряева⁹, громадно-му оптовому делу, заплатившему мне пятерную цену себестоимости.

Теперь у меня было денег сколько угодно, но появились новые заботы — как и куда их поместить. Я стал советоваться по этому поводу с тещей и узнал, что всё её состояние, выражавшееся в 120 тысячах рублей, помещено в 4-процентные Железнодорожные займы. Туда же она поместила и 80 тысяч моей жены. Относительно небольшая сумма, около 20 тысяч, лежит у нее на текущем счету. Она посоветовала мне последовать её примеру, если только мне удастся купить Железнодорожные займы, тем более что они гарантированы Правительством.

Вот эти гарантии и заставили меня задуматься. Я начал рассуждать и пришёл к выводу, что они ничего не стоят. Собственно правительств к

этому времени было два: одно сидело в Государственной Думе¹⁰, а другое, Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов¹¹ — оказался почему-то размещённым в Смольном Институте благородных девиц.

Правительство, заседавшее в Думе, состояло из представителей интеллигенции и промышленных кругов, никакой властью не обладало и, видимо учитывая свою непрочность, называлось «Временным». Что могло такое правительство гарантировать? По моему рассуждению — ничего.

Правительство, помещавшееся в Смольном, состояло из представителей различных революционных партий и единодушия тоже не имело. Расхождение происходило главным образом в методах и размерах ограбления имущей части населения и естественно никаких гарантий это «правительство» тоже дать не могло.

Надо было действовать иначе и притом так, чтобы помещённый капитал можно было в любой момент и в нужном количестве реализовать, а для этого нужно было купить золота в монетах. Слепой случай сделал так, что купленное мною золото оказалось шведским. Я приобрел 30 тысяч шведских крон золотыми монетами.

Я всегда любил ходить гулять и поэтому, когда мне нужно было бывать в центре города, я маршировал туда пешком. Лето было жаркое и идя по Невскому проспекту около Михайловской улицы я решил зайти в кафе «Пекарь» в доме Европейской гостиницы. У самого входа в него я встретился с мичманом Скачковым¹², на один год моложе меня по выпуску. Я не встречал его с корпусных времен, он был в штатском и выглядел весьма элегантно.

— Ты куда? — спросил он меня.

— К «Пекарю», хочу чего-нибудь выпить.

— Пойдем лучше в «Европейскую» в вестибюль, там за рубль дают стакан хорошего чая с яблочным вареньем.

В вестибюле Европейской гостиницы мы едва нашли столик; всё было забито посетителями. Здесь были и штатские, и военные в несколько фантастических френчах, причём обращало внимание большое количество евреев и полное отсутствие представительниц женского пола. Все пили чай с яблочным вареньем, а в боковой комнате играли на бильярде.

Скачков заметил недоумевающие взгляды, которые я кидал кругом.

— Ты видимо здесь никогда не был. Знаешь ли ты, где ты находишься и что это за люди?

— Где нахожусь, я знаю, а что это за люди знать не могу, так как я здесь никогда не был.

— Ну, так поучайся. Это видишь ли, продукт времени — «черная биржа». Здесь ты можешь купить партиями то, чего граммами не достать там, — и он показал на улицу. — Здесь делается миллионы. Ты не занимаешься спекуляцией?

Я вспомнил о своей конторе, о гвоздях, о золоте и сказал:

— По совести сказать, занимаюсь, но как-то сам себе не отдаю отчёта, как назвать это. Пожалуй, вернее всего я «делаю деньги».

— Но чем же ты их делаешь?

Я объяснил ему свои дела.

— Так тебе попёрло, что ты меня встретил. Я смогу быть тебе полезен, у меня есть хорошие знакомства в этом мире. Я сам ничем не занимаюсь, так как нахожусь в ожидании.

Заметив мой недоумевающий взгляд, он рассмеялся и сказал:

— Нет, не то, я, видишь ли, очень богато женат, — и он назвал всем известную фамилию крупных капиталистов. — Мы всей семьёй уезжаем в Ниццу. Во Францию у нас переведены деньги, а в Ницце у родителей жены дача. Родители жены уже там, а я с женой нахожусь в ожидании отъезда.

— Когда же ты едешь? — спросил я.

— Этого я сам не знаю, я налаживаю сейчас отправку за границу ряда принадлежащих нам «движимых» ценностей. Часть я уже отправил, но многое ещё нужно отправить.

— А как же с недвижимостями? — спросил я, зная, что названная им семья обладала громадными имуществами в России.

— Ну, это всё вероятно пропадёт — «товарищи» заберут.

— Неужели ты смотришь так мрачно? — сказал я, забыв, что сам неоднократно проповедовал то же самое.

— Я смотрю не мрачно, а реально, — наставительно сказал он. — А вот кстати и нужный человек, — добавил он, пожимая руку господину небольшого роста, без одной ноги, подошедшему к нашему столу на костылях. — Что есть продажного? Вот мой приятель, позвольте вас познакомить, хочет купить что-нибудь интересное.

Мы представились друг другу.

— У меня есть сардинки и кофе. 200 ящиков сардинок на месте, а кофе во Владивостоке. Консоменты¹³ у «Гергарт и Гея» (*Экспедиционная фирма в Петрограде* — Б.Б.).

Не буду описывать всех перипетий и обстоятельств этой моей первой «спекуляции», скажу только, что заработок был хороший, в особенности за кофе. Я купил его во Владивостоке. Когда кофе прошёл Омск, то посредник предложил продать его с хорошей наживой. Через 2 недели я купил его обратно с маленькой потерей и затем продал, не видя его в глаза, в Петрограде с большой наживой.

Этим открылся второй период моей деятельности. Я покупал в Европейской консоменты на товары, часто не зная, что за товар скрывается за названием и для чего он служит или на что его употребляют, и продавал его через неделю лицу, разысканному моими посредниками, которое в этом товаре нуждалось, очень часто не видя таковое лицо и не зная его.

Вскоре все люди, пившие чай с яблочным вареньем в Европейской гостинице, стали мне известны, каждый имел свою специальность и я знал у кого, что можно купить. Евреи играли большую роль во всех этих делах, проявляя гениальность во всех комбинациях.

Я особенно подружился с молодым инженером Гинзбургом. Это был культурный, эlegantный и чрезвычайно приятный господин. Видимо, симпатии были взаимны. Однажды в сентябре 1917 года Гинзбург подошёл ко мне в Европейской и сказал:

— Борис Владимирович, здесь в гостинице находятся два моих дяди, они имеют в Москве большое предприятие — завод «Метоламп», работающий на оборону. Я рассказал им о вас и они хотели бы с вами познакомиться. Им приходится иметь дело с Морским ведомством и они полагают, что для этих целей вы являетесь идеальной персоной. Короче говоря, они хотят вам предложить быть их представителем в Петрограде.

Мы поднялись во второй этаж, где я был представлен двум полным и до смешного похожим друг на друга людям.

— А. Гуревич, — сказал один.

— И. Гуревич, — сказал другой, крепко пожимая мне руку.

После часового разговора я оказался представителем фирмы «Метоламп» в Петрограде. В мои обязанности входило вести нужные переговоры с Морским министерством и закупать на чёрной бирже необходимые для производства товары. За это я буду получать ежемесячное жалованье. Закупаемые товары должны доставляться мною по цене нетто. Я же буду получать от фирмы 5% стоимости, а при особо выгодных покупках — ещё вознаграждение. Кроме того, фирма будет покрывать мои расходы на представительство.

Я был до крайности доволен этим результатом. Мне казалось, что теперь я устроился солидно и от меня самого будет зависеть дальнейшая карьера. Возможно, что это так бы и произошло, если бы в скором времени не пришли к власти большевики, и предприятие со всеми персонажами не исчезло за опустившимся занавесом.

Такая коммерческая карьера могла быть возможной только в такое сумасшедше-нелепое время. Но совершенно такие же нелепо-блестящие карьеры делали безграмотные люди и на политическом поприще. Насколько я ничего не понимал в коммерции, настолько господа керенские¹⁴, корниловы¹⁵, милюковы¹⁶ ничего не понимали в политике и в управлении Государством. Они были такие же «государственные люди», как я «коммерсант».

Если в течение нескольких месяцев я мог стать представителем крупного промышленного предприятия и нажить деньги на товарах, название которых мне не всегда было известно, или вернее, я не знал, что за названием скрывается, то почему мелкому и не очень умному адвокату Керенскому было не сделаться «заложником демократии», премьер-министром, военным и морским министром и пр. и пр.

Не помню в июне или в июле 1917 года я возвращался пешком из города к себе на Петербургскую сторону и шёл через Дворцовую площадь. На ней происходил военный митинг, я не знал, по какому поводу он был собран и кто были действующие на нём лица. На построенной из нетесаных досок трибуне стоял генерал с калмыцким лицом и, бия себя в грудь кулаком, кричал неистовым голосом, что он сын крестьянина, всегда был и будет слугой народа, демократом и т.д.

Толпа щёлкающих семечки и курящих солдат слушала его переговоры, но когда генерал закончил свою речь призывом к победоносной войне, то на площади поднялся невероятный вой, из которого явствовало,

что граждане-солдаты предлагают демократу-генералу заканчивать войну победой без их участия. Толпа была большая, а усилительных аппаратом не было, поэтому речь оратора была слышна только ближайшим, а стоявшие дальше могли только видеть размахивающую фигуру генерала и слышать отдельные возгласы. Кто-то крикнул «ура» и толпа завопила «ура». Генерал стал раскланиваться, кто-то запел Марсельезу¹⁷ и в разных местах над толпой развернулись плакаты — «Долой войну!», «Немедленный мир без аннексий и контрибуций!», а на одном так прямо и стояло — «Да здравствует похабный мир!».

Генерал надел фуражку и, приложив руку к козырьку, слушал французский гимн в русском исполнении; небольшая группа окружавших его офицеров аплодировала.

Возможно, что я был причастен, но я во всяком случае не был «ослеплён» событиями. Демократический генерал произвёл на меня своим поведением и речью отвратительное впечатление. Обернувшись к стоявшему рядом штатскому я спросил, указывая глазами на расшаркивающегося перед толпой оратора, «Кто это?» и получил в ответ: «Генерал Корнилов». Эта сцена определила в дальнейшем моё отношение к Белому движению.

В мае месяце, 17-го числа я обвенчался в домашней церкви Введенской гимназии¹⁸ с Марией Александровной Боричевой. Народу на свадьбе было много, «вся Петербургская сторона». После поздравлений приём и угощение гостей происходило в двух местах. Сперва обед у моей матери на Большой Охте, где присутствовали мои родственники в лице дяди Яльмара Хеккерта, мужа сестры моего отца, бывшего моим посажённым отцом, и несколько ближайших друзей и знакомых моей матери. После обеда мы поехали на квартиру к родителям моей жены, где их родня и знакомые пировали до глубокой ночи. Таким образом, контакта между нашими семьями фактически не произошло, но тогда я как-то не обратил на это внимания.

Я упомянул о присутствии на свадьбе и поздравлениях в зале при церкви «всей Петербургской стороны»; это было не случайно. И я, и моя жена выросли на Петербургской стороне, которая дольше других частей города сохранила своё лицо. Она была населена довольно специфической публикой, мелкими чиновниками, торговцами, ремесленниками и средними предпринимателями. Жизнь здесь текла в течение долгого времени довольно патриархально и обыватели, если и не были поголовно знакомы, то во всяком случае знали друг друга, и с большими подробностями. Молодёжь средней прослойки в большинстве вся была знакома благодаря встречам на катках, балах и просто на улице. Свадьбы происходили обыкновенно среди «своих», «Петербургских». Если же кто-нибудь женился или выходил замуж за лицо, жившее в других частях города, то говорили, что он взял жену «из города», или «она вышла не за нашего, а за городского». Устраивая свадьбу, я не преследовал такой традиции, это вышло случайно, в то время я даже не подумал об этом. Но «петроградцы» оценили это по своему, и моя свадьба могла посоперничать, во всяком случае по числу зрителей, собравшихся и в церкви, и на улице, со свадьбой какого-либо выдающегося лица или с похоронами генерала.

Для будущего историка это быть может не интересно. Возможно, ему интересно знать, каковы были настроения населения в смысле политическом? Что это население думало и чем оно жило, вступив в преддверие эпохи «строительства социализма в одной стране»?

Я могу говорить не о рабочем классе, а о «среднем сословии» и офицерстве, которое в большой мере вербовалось из него и к нему примыкало. Для него главным и основным признаком была полная политическая безграмотность. Большинство чувствовало, что мы куда-то провалились, но летим ли мы в рай или ад, к новому светлому будущему или к жуткой мучительной смерти — никто ответить не мог, а если и отвечал, то в зависимости от бывших у него до этого события взглядов и симпатий.

Так например, я был твердо уверен, что мы летим в тартарары, вот-вот окажемся в Пугачевщине¹⁹ и там погибнем, а мой бывший репетитор Вульфин, ранее социал-революционер²⁰, носивший косоворотку и длинные волосы, считал, что мы приближаемся к светлой эпохе человеческого счастья и гармонии и проповедовал мне о блаженстве жить в такое время.

*Блажен, кто мир сей посетил
В его минуты роковые*

— сказал ещё Пушкин, говорил Вульфин. Кстати, его блаженство кончилось в 1919 году в подвалах Чрезвычайки.

По мере хода времени и развития событий и всё растущей опасности захвата власти большевиками оптимистов становилось всё меньше, а число пессимистов росло. Фактически же мои собеседники решительно ничего в политике не понимали, а мои собственные познания в этом деле не превышали познаний деревенского мужика или бунтующего солдата. То обстоятельство, что мы с ними находились на разных полюсах, происходило не от «убеждений», а в силу нашей полной политической безграмотности.

Страна была расшатана и подорвана войной; те опоры, на которых покоился строй и порядок, растаяли в событиях, как сахар в горячем чае. Начать с офицерства. Кадровый офицер мирного времени составлял костяк армии; не меньшее значение имел сверхурочный унтер-офицерский состав, но и тот и другой, за ничтожным исключением, был выбит уже в первый год войны. На тех же полях сражений полегла опора трона — Царская гвардия. Большая часть лиц, носивших погоны к моменту революции и именовавшихся штабс-капитанами и капитанами, — офицерами не были. Это были студенты или лица, получившие пятиклассное обучение, но военной закалки не имевшие, даже если они и обладали боевым опытом. Многие из них принимали до войны участие в революционной деятельности и опорой строя не были. Большинство сохранившегося старого офицерства, вероятно, переживало ту же душевную драму, что и я. Видя разложение армии, падение дисциплины и воинского духа, они уклонялись от руководства, задерживаясь по возможности в тылу, или проявляли пассивность на фронте. Кроме того, как отдельные члены Правительства, так и Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в своих призывах к «революционной» дисциплине, почти всегда оговаривались о необходимости

бдительности в отношении офицерского состава. Летом 1917 года была проведена ещё одна мера, которая могла быть продиктована или злой волей, или военной безграмотностью, а именно — стали создаваться «Ударные батальоны», извлекающие из армии всё, могущее быть её костяком и основой.

Создание в этой обстановке женских батальонов²¹ могло придти в голову только психопату. Несчастные девушки и женщины, составлявшие их, долгое время служили благодарной темой для острот дешёвых куплетистов и в конце концов были подвергнуты массовому изнасилованию революционными солдатами и «гордостью революции» — матросами с «Авроры»²².

К концу октября весь этот гнойник лопнул и большевики взяли власть почти без сопротивления. Справедливость требует признания, что за ними было 90% населения страны. Правда, они занимались демагогией, потакая всем популярным пожеланиям массы. Крестьянам давалась земля в желательном им количестве, причём предлагалось не ждать каких-то Учредительных собраний, а брать её немедленно самим. Армии предлагалось самой заключить мир с немцами с оговоркой, что герой не тот, кто остаётся на фронте, а тот, кто бежит с фронта домой делить землю, причём, задержавшись, он может потерять свою долю. Рабочие «сами» берут заводы в свою собственность и все вместе берут всё у всех, кто что-нибудь имеет. Короче говоря:

*Отворяйте этажи
Нонче будут грабежи!*

— как метко выразился небезызвестный поэт Александр Блок²³, ухитрившийся увидеть во главе пугачёвцев

*... в белом венчике из роз
впереди Иисус Христос».*

Нужно отметить, что за все восемь месяцев властвования Временного правительства оно не создало никакой реальной силы, на которую оно могло бы опереться, кроме разве Женского батальона, тогда как большевики систематически и упорно эту вооружённую силу создавали и во главе этой силы стояли бесспорно матросы.

Я упустил упомянуть в своём рассказе, что ещё в мае месяце я был признан Медицинской комиссией при Морском госпитале негодным к дальнейшей службе в силу полученных мною повреждений черепа и уволен в запас с полной пожизненной пенсией, которую я и получал до прихода к власти большевиков. Помню, как я получил её в первый раз, в размере 80 рублей так называемыми керенками и когда, вернувшись домой, расплачивался с извозчиком, то дунувший ветер унёс из моих рук всю пенсию. Это было до некоторой степени символично.

Многие могут объяснить мой уход с поля брани в личную жизнь трусостью, но это не верно. Я руководствовался не этим чувством, а сознанием бесполезности жертвовать собою с вероятностью почти 100% гибели за



Могилы лейтенанта Б. Н. Пиленко, мичманов Д. М. Кандыбы, М. Е. Кондратьева, К. Д. Михайлова на православном кладбище г. Хельсинки

дело, которое спасти нельзя, особенно под начальством и руководством лиц, которые всю эту обстановку создали, и которых я всей душой презирал.

Я искренно преклоняюсь перед теми моими товарищами, которые остались на своём посту, но их печальная судьба подтверждает правильность моего решения.

На моём линейном корабле «Петропавловск» первая революция, в отличие от многих других кораблей, протекла бескровно. Но дальше пошло хуже: месяца через полтора старшему офицеру капитану II ранга В. Буткевичу²⁴ было рекомендовано уйти с корабля. Он ушёл не только с корабля, но вообще из флота, и перебрался в Петроград. Однако и здесь морские власти посоветовали ему уехать ради безопасности в Москву, что он и сделал. Впрочем это не спасло его жизни: он умер в 1918 году от сыпного тифа.

На его место на «Петропавловск» пришёл старшим офицером исключительно блестящий офицер — барон Зальца²⁵. Сменился и командир. Вместо назначенного командующим I бригадой крейсеров контр-адмирала Пилкина²⁶ пришёл капитан I ранга Беренс²⁷, тоже человек, который во всех отношениях мог служить примером для всех и каждого. В течение лета команда всё более и более большевизировалась, и ладить с ней становилось труднее. Офицерский состав стал стремиться уйти с корабля на штабные или береговые должности.

Если первая революция прошла «бескровно», зато команда наверстала упущенное в связи с делом Корнилова²⁸, убив самым зверским образом четырёх молодых моих товарищей.

Я нигде не встречал описания этого события, память о котором сохраняется кажется только на Гельсингфорсском Православном кладбище в виде четырёх могил, на которых краткие надписи гласят — лейтенант Б. Н. Тизенко²⁹, мичмана Кондыба, Кондратьев и Михайлов.

Произошло это в августе 1917 года, когда Петроград переживал запутанное дело — «Восстание» генерала Корнилова.

Команда Балтийского флота была до крайности возбуждена этим делом, ясного представления о событиях не имела и, опасаясь для себя «победы» генерала, требовала отправки кораблей в Петроград для подавления «контрреволюционного восстания». На «Петропавловске» происходили бурные митинги, выносились резолюции верности революции и, наконец, было выставлено требование похода в Петроград, где став на якорь на Неве корабль силою своего артиллерийского огня помог бы отбить нападение контрреволюции, возглавляемой Корниловым.

Судовой комитет (матросская организация) возглавлялся фельдшером Скуевым, имевшим большое влияние на команду, но заигрывавшим и с офицерским составом. Фактически же он занимался интригами и шантажом. В результате почти 4-месячной деятельности в качестве председателя судового комитета он был признан сумасшедшим и был помещён в дом для умалишённых. Но это только маленькая подробность, характеризующая атмосферу на корабле, где главным заправилкой был душевнобольной.

Когда команда вынесла постановление идти в устье Невы, она потребовала, чтобы офицерский состав присоединился к таковому требованию и тем самым заверил свою преданность революции.

Офицерский состав корабля отказался подписать резолюцию, мотивируя свой отказ невозможностью осуществления такого намерения, так как осадка судна не позволит войти в Неву без разгрузки артиллерийского снаряжения. Команда стала настаивать. Тогда кают-компания во главе со старшим офицером капитаном II ранга Зальцой, обсудив ещё раз положение, решила не обострять вопроса и декларацию подписать. Молодые мичманы на этом собрании почему-то не присутствовали и о результатах его не были оповещены, поэтому когда Скуев с представителями от команды пришёл к ним в каюту за подписями, они дать таковые отказались. Это были мичмана Кондыба, Кондратьев и Михайлов. Лейтенант Тизенко о постановлении знал, но отказался подписать, сказав, что считает такую декларацию вздорной.

Через несколько часов после этого Скуев явился к старшему офицеру и сказал, что команда до крайности возбуждена отказом этих офицеров и что он опасается за их жизнь, поэтому предлагает снестись с центральным революционным комитетом в Гельсингфорсе и спросить инструкций. Так и было постановлено. Центральный комитет предложил во избежание

эксцессов арестовать вышеозначенных офицеров и отправить их с конвоем на Северную пристань Гельсингфорса, где представители центрального комитета примут их от конвоя и препроводят на вокзал, откуда они с последним поездом уедут в Петроград. Так было решено сделать.

Офицеров арестовали в каютах, затем ближе к вечеру погрузили на буксир, поддерживающий сообщение с берегом, и в сопровождении вооруженного конвоя в 20 человек отправили с приказом идти к пристани Северной гавани для сдачи там арестованных представителям центрального комитета.

Примерно через 2 часа конвой вернулся обратно и сообщил, что поручение выполнено. Всё успокоилось. Однако ещё через час позвонили из центрального комитета и спросили, почему не привозят арестованных, сказав, что их представители ждут уже несколько часов безрезультатно на пристани.

Вызванный старшим офицером Скуев сказал, что ему ничего неизвестно и он постарается выяснить в чём дело. Скуев ничего не выяснил и только к утру Гельсингфорсская полиция сообщила комендатуре, что ею на Елизаветинской угольной пристани подобраны четыре офицерских трупа, до крайности обезображенных, и помещены в морг, откуда их в любой момент можно получить.

В результате вскрытия было установлено, что в теле Тизенки было 16 пуль и 18 штыковых ранений, у Кондыбы — 10 пуль и штыковых ранений, ударами приклада сломана рука и выбиты передние зубы. Михайлов и Конд-ратьев имели по несколько пуль и по несколько штыковых ударов.

Центральный комитет распорядился похоронить убитых ночью. Убийство осталось совершенно безнаказанным; мало того, через два дня пришлось срочно списывать с корабля того офицера, который стоял на вахте в момент отправки арестованных на берег, так как он видел состав конвоя, и одного мичмана, инженера-механика, который случайно был на верхней палубе и тоже видел конвой. Скуев заверял, и возможно правильно, что команда постановила их тоже убить.

После прихода к власти большевиков команда никого больше не убивала. Эти функции приняла на себя Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Продолжение следует

Примечания

¹ *Тривус Семён Львович* (1867 — после 1918) частнопрактикующий врач, коллежский советник. Врач Лавальевского приюта, Хозяйственного управления Петроградской еврейской синагоги и др. учреждений. Член Общества по распространению просвещения между евреями.

² *Вреден Роман Романович* (09.03.1867 — 07.02.1934), из семьи профессоров. Выпускник Военно-медицинской академии 1890 г. Действительный статский советник, почетный лейб-хирург. С 1911 г. профессор ортопедии Психоневрологического института. Выда-

ющийся российский хирург-ортопед и травматолог. Автор оперативных методов лечения ортопедических деформаций и заболеваний. Инициатор создания Петербургского ортопедического института (ныне Российский НИИ Травматологии и ортопедии им. Р. Р. Вредена), открытого в 1906 г. в Санкт-Петербурге на средства Императрицы Александры Фёдоровны. С 1906 г. и вплоть до своей кончины его директор. Жена: Эмилия Николаевна Розинская, двоюродная сестра матери Б. В. Бьёркелунда.

- ³ *Валентина Ивановна Бьёркелунд* (Бьёрклунд) (25.06.1867 — 1936) была смотрительницей основанного 28 декабря 1841 г. Охтенского приюта (Большая Охта, ул. Гурдина, д.16) для 150 детей, с сиротским отделением для девочек графинь Апраксиных.
- ⁴ *Трепов Фёдор Фёдорович* (13.05.1854 — 27.03.1938), сын генерала от кавалерии, Санкт-Петербургского градоначальника. Выпускник Пажеского корпуса 1873 г. Генерал от кавалерии, генерал-адъютант. С 1905 г. член Гос. Совет. В 1908–1914 гг. киевский, волинский и подольский генерал-губернатор, в 1914–1917 гг. военный губернатор занятых областей Австро-Венгрии. Отличался право-монархическими взглядами. В эмиграции во Франции.
- ⁵ *Наполеон Бонапарт* (15.08.1769 — 05.08.1821), выдающийся французский государственный деятель и полководец. В 1804–1814 и 1815 гг. Император Франции.
- ⁶ Автор ошибается относительно дальнейшей судьбы Николая Романовича Вредена. В действительности он состоял членом Общества бывших морских офицеров в Америке и скончался в 1965 г. в штате Массачусетс.
- ⁷ «Новое время» — русская ежедневная право-консервативная газета, основана в Санкт-Петербурге в 1868 г. А. К. Кирковым и Н. Н. Юматовым. С 1876 г. принадлежала товариществу А. С. Суворина. Закрыта большевиками 26 октября (8 ноября) 1917 г.
- ⁸ Лесообделочный завод *Михаила Константиновича Макарова*, занимавшийся производством мебели, располагался на Сердобольской ул., 44 в Новодеревенском участке.
- ⁹ Имеется в виду фирма владельца Петроградского Металлического завода и Дроболитейного завода, купца 1 гильдии и потомственного почётного гражданина *Сергея Ивановича Растеряева* (05.02.1862 — после 1918), занимавшаяся продажей металлических товаров и инструментов.
- ¹⁰ Речь идет о Временном Правительстве — высшем органе государственной власти в России в период со 2 марта по 25 октября 1917 г. Оно действительно первоначально размещалось в здании Государственной Думы (Таврическом дворце), но уже в конце марта переехало в бывшее здание Государственного Совета — Мариинский дворец. Последним местом пребывания Временного Правительства с июня и вплоть до Октябрьского большевистского переворота был Зимний дворец.
- ¹¹ Петроградский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — орган революционной власти в России, образованный 27 марта 1917 г. и действовавший наравне с Временным Правительством, первоначально располагался также в Таврическом дворце. В здания Смольного института Петросовет переехал лишь 4 августа 1917 г.
- ¹² *Скачков Петр Алексеевич* (год рожд. не известен, ум. после 1932), выпускник Морского корпуса 1916 г. Мичман. Участник Белого движения. Лейтенант. В эмиграции во Франции.
- ¹³ Консомент — правоустанавливающий документ, удостоверяющий приём груза при морской перевозке.
- ¹⁴ *Керенский Александр Фёдорович* (22.04.1881 — 11.06.1970), сын действительного статского советника. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Присяжный поверенный при Петербургской судебной палате, популярный адвокат на политических и уголовных процессах. С 1912 г. масон. Член IV Государственной Думы, глава фракции трудовиков. Один из активных деятелей Февральской революции, член Временного комитета Государственной Думы и товарищ председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. Вступил в партию эсеров. В марте — мае 1917 г. министр юстиции Временного правительства и Генерал-прокурор Сената. В мае–сентябре 1917 г. военный и морской министр Временного правительства, а с 8 июля его глава — министр председатель. После подавления мятежа генерала Л. Г. Корнилова, с 30 августа Верховный Главнокомандующий Русской армией. 1 сентября самовольно объявил Россию республикой. После Октября-

ского переворота бежал из Петрограда и безуспешно пытался поднять восстание вместе с генералом П. Н. Красновым. В 1918 г. эмигрировал во Францию, в 1940 г. переселился в США. Умер в Нью-Йорке.

- ¹⁵ *Корнилов Лавр Георгиевич* (18.08.1870 — 13.04.1918), сын хорунжего. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой Мировой войн. Генерал от инфантерии. После Февральской революции 1917 г. правый республиканец, горячий сторонник Временного Правительства. В июле – августе 1917 г. Верховный Главнокомандующий Русской армии. В конце августа 1917 г. поднял мятеж и пытался установить военную диктатуру в России. После подавления мятежа арестован и заключён в тюрьму в г. Быхов, откуда бежал после Октябрьского переворота. Один из основателей Белого антибольшевистского движения. Главнокомандующий Добровольческой армии. Убит в бою под Екатеринодаром.
- ¹⁶ *Миллюков Павел Николаевич* (15.01.1859 — 31.03.1943), из дворян. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Прозападный, либеральный ученый-историк. Профессор Софийского университета. Один из организаторов и Председатель ЦК Конституционно-демократической (кадетской) партии, редактор газеты «Речь». Депутат III и IV Государственной Думы. Горячий сторонник вступления России в Первую Мировую войну. Один из организаторов клеветнической компании против Императрицы Александры Федоровны и её окружения. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 1 мая 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции. В 1921—1940 гг. редактор парижской газеты «Последние новости». С 1930-х гг. придерживался просоветских взглядов. Умер на юге Франции.
- ¹⁷ *Марсельеза* (Marseillaise) — французская революционная песня. Слова и музыка К. -Ж. Руже де Лиля (1792). Сначала называлась «Боевой песней Рейнской армии», затем «Маршем марсельцев» или «Марсельезой». В настоящее время Национальный гимн Французской республики. В 1917 г. Временное Правительство использовало музыку «Марсельезы» в качестве гимна, хотя и не утверждало её официально.
- ¹⁸ Речь идет о домово́й церкви Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия при 9-й (Введенской) гимназии Императора Петра Великого на Большом проспекте Петроградской стороны, 37, действовавшей с 1899 г. и вплоть до своего закрытия в 1918 г.
- ¹⁹ Пугачевщина — крестьянско-казацкое восстание в России 1773 – 1775 гг. под предводительством донского казака Е. И. Пугачева (1742 — 1775), выдававшего себя за Императора Петра III.
- ²⁰ Социал-революционер, т.е. эсер, член леворадикальной «Партии Социалистов революционеров», существовавшей в 1901 – 1923 гг.
- ²¹ Женские батальоны — добровольческие воинские команды, формировавшиеся из женщин. Созданы в июне 1917 г. на основании положения «О формировании воинских частей из женщин-добровольцев», принятого Временным Правительством по инициативе прапорщика М.А. Бочкаревой. Использовались непосредственно на фронте, а также как команды связи. Официально на октябрь 1917 г. числились: 1-й Петроградский женский батальон смерти, 2-й Московский женский батальон смерти (защищал Временное Правительство в Зимнем дворце), 3-й Кубанский женский ударный батальон. Распущены большевиками в январе 1918 г.
- ²² «Аврора» — бронепалубный крейсер Русского Императорского флота. Заложен в 1897 г. в Санкт-Петербурге, спущен на воду в 1900 г., вступил в строй 04.07.1903 г. Во время русско-японской войны входил в состав 2-ой Тихоокеанской эскадры Балтийского флота. После Цусимского сражения ушел в Манилу, где был интернирован. Прошел капитальный ремонт корпуса и механизмов в 1906 – 1908 гг. на Франко-Русском и Балтийском заводах. Состав экипажа: 20 офицеров и 550 матросов. Во время первой Мировой войны нес оборону Рижского залива. В феврале 1917 г. распропагандированная команда перешла на сторону восставших. В ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 г. холостым выстрелом обозначила начало большевистского переворота. Экипаж крейсера участвовал в Гражданской войне. В годы советско-германской войны 1941–1945 гг. плавучая казарма. После войны учебная база Нахимовского училища. С 1956 г. используется как музей.

- ²³ *Блок Александр Александрович* (16.11.1880 – 07.08.1921), русский поэт-символист. Приветствовал Февральскую революцию 1917 г. Секретарь Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства.
- ²⁴ *Буткевич Виктор Николаевич* (15.08.1882 – 1918), в службе с 1900 г., мичман с 1903 г. Окончил Военно-Морскую академию в 1913 г. С 1916 г. капитан II ранга, старший офицер линкора «Петропавловск». Умер от тифа.
- ²⁵ Барон *Зальца Герман Эдуардович* (04.04.1885 – 23.01.1946), из дворян Эстляндской губернии. Выпускник Александровского лицея и Морского корпуса 1906 г. В 1917 г. капитан II ранга, старший офицер линкора «Петропавловск». В 1918 г. участник Ледового похода, вышел в отставку. С 1919 г. на службе в эстонском флоте, штурманский офицер эсминца «Леннук». Помощник начальника оперативной части Морского управления Северо-Западной Армии. С 1920 г. начальник штаба Морских сил Эстонии. В 1924 – 1932 гг. командующий морскими силами Эстонии. Член зарубежной кассы взаимопомощи моряков. С 1928 г. контр-адмирал, в 1925 – 1939 гг. член Военного Совета Эстонии. С 1939 г. жил в Германии, в резерве Германского флота. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР. Умер в Москве в Бутырской тюрьме.
- ²⁶ *Пилкин Владимир Константинович* (11.07.1869 – 06.01.1950), из дворян. Сын адмирала. Выпускник Морского училища 1890 г. и Николаевской Морской академии по военно-морскому отделу 1908 г. Участник русско-японской войны. В 1911–1916 гг. командир линкора «Петропавловск». С 1916 г. контр-адмирал, командир 1-й бригады крейсеров Балтийского моря. После 1917 г. в отставке. Во время Гражданской войны Морской министр и командующий морскими силами Северо-Западного Правительства. В эмиграции Председатель кают-компании и член Клуба ревнителей русского прошлого в Ницце. Монархист-легитимист.
- ²⁷ *Беренс Михаил Андреевич* (16.01.1879 – 20.03.1943), из дворян. Сын коллежского ассесора. Выпускник Морского кадетского корпуса 1898 г. и Временного штурманского офицерского класса 1904 г. Участник Китайского похода, русско-японской и Первой Мировой войн. С 1916 г. капитан I ранга, командовал линкором «Петропавловск», но весной 1917 г. ввиду конфликта с командой переведен на должность начальника штаба Минной обороны Балтийского моря. После Октябрьского переворота покинул флот и в последующем находился на Дальнем Востоке, где присоединился к адмиралу А. В. Колчаку. Контр-адмирал. С января 1920 г. принял исполнение обязанностей командующего морскими силами на Тихом океане. К осени 1920 г. — на Черном море, начальник 2-го отряда судов Черноморского флота и старший морской начальник в Керчи. Принял решительные меры по организации эвакуации войск и гражданского населения, вывода кораблей и транспортных средств из Керченского пролива и перехода в Стамбул. С 21.11.1920 г. младший флагман 2-го отряда, один из основных руководителей перехода кораблей в Бизерту. С января 1921 г. командующий Русской эскадрой в военно-морской базе Бизерты (Тунис), обеспечил сохранность и ремонт кораблей, основного кадрового состава моряков, преемственность российских морских традиций среди покинувших родину. После признания Францией СССР с 29.10.1924 г. сдал командование и в последующем жил как частное лицо.
- ²⁸ «Дело Корнилова» или «Мятеж генерала Корнилова» — принятое в исторической литературе название военного выступления Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова, пытавшегося 25 – 31 августа 1917 г. предотвратить захват власти в России большевиками. Выступление провалилось из-за отказа в его поддержке со стороны А. Ф. Керенского, опасавшегося за личную власть и объявившего Корнилова мятежником.
- ²⁹ *Тизенко Борис Петрович* (27.10.1890 – 31.08.1917), выпускник Морского Корпуса 1911 г. Офицер 2 Балтийского флотского экипажа. Лейтенант на линкоре «Петропавловск». Убит матросами из-за подозрений в причастности к «Корниловскому мятежу» (Примерно в это же время был также убит лейтенант флота А. И. Макаревич).

Публикация и комментарии
С. А. Манькова